

ГЛАВА II.

КАМЕНКА. ЗАПОРОЖСКОЕ КЛАДБИЩЕ. ГОРДЪЕНКО. РАЗГОВОРЪ СЪ ТУЗЕМЦЕМЪ БЛАЖБОВА
ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ КУРТАНЫ. БИЗЮКОВЪ МОНАСТЫРЬ. ЗМѢИ. ШВЕДСКАЯ КОЛОНИЯ. ПРАВЫ
ОБЫЧАИ. НОВО-БЕРИСЛАВСКАЯ ЕВРЕЙСКАЯ КОЛОНИЯ. БЫТЬ ЕВРЕЕВЪ—ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВЪ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ за Мѣловой, надъ обрывомъ, омы-
ваемымъ прежнимъ русломъ Днѣпра, и при впаденіи рѣчки Ка-
менки, лежитъ небольшая помѣщичья деревенька Канцеровка,
принадлежащая г. Эсаулову. Противоположный берегъ Каменки,
усѣянный скалами, между которыми разрослись большіе тѣни-
стые дубы, и красивый островъ на Днѣпрѣ, отражающіеся въ
водѣ, со всею своею кудрявою растительностью,—представля-
ютъ чрезвычайно любопытную мѣстность. Въ этомъ тихомъ угол-
кѣ, между этими угрюмыми скалами любитель природы проси-
дѣлъ бы нѣсколько часовъ, предавшись безотчетнымъ думамъ и
можетъ быть надолго сохранилъ бы въ памяти оригинальный
дикій пейзажъ изъ странствій по низовью приднѣпровскому. Но
если этотъ странникъ малоруссъ, думы его будутъ стараться про-
никнуть смыслъ одной страницы изъ родной исторіи. По берегу
разсѣяно нѣсколько запорожскихъ могилъ, валяется въ прене-
бреженіи три разбитыхъ креста съ испортившимися надписями,
а немного повыше, подъ дикой грушей, полунаклонился крестъ
надъ гробомъ Кости Гордѣенка, державшаго въ 1709 г. сторону
Мазепы. Какъ онъ попалъ сюда, какимъ образомъ погребены
другіе старшины въ Каменкѣ—неизвѣстно. Ходитъ молва, что
здѣсь была временная Сѣчь Запорожцевъ, выгнанныхъ съ Чер-
томлыка Петромъ I, но объ этомъ нѣтъ нигдѣ указаній. Г. Скальков-
скій, въ своей исторіи Запорожья, говоритъ такъ неопредѣлен-
но, хотя и невозможно сомнѣваться въ существованіи здѣсь Сѣчи,
при видѣ этихъ полуразрушенныхъ памятниковъ. Но если бы

предположить даже, что старшина запорожская передъ смертью просила товарищей перенести прахъ поближе къ прежнимъ пепелищамъ, то остатки насыпей и углубленія, свидѣтельствующія о жильѣ козачьемъ, все таки убѣждаютъ, что Сѣчь здѣсь существовала. Помѣщикъ, которому принадлежитъ эта замѣчательная мѣстность, нисколько не уважаетъ старины, и судьбу древнихъ могилъ предоставляетъ вполне времени и произволу животныхъ. Конечно, никто не имѣетъ права требовать отъ него сохраненія могилъ, но просвѣщенному потомку не должно разрушать историческихъ памятниковъ. Я вполне убѣжденъ, что г. Эсауловъ не питаетъ никакой непріязни къ знаменитому кошевому, подозрѣваю даже—знаетъ ли онъ историческое значеніе лицъ, похороненныхъ въ его имѣніи; а все таки грустно въ нынѣшнее время встрѣчать подобный образъ дѣйствій со стороны такъ называемаго образованнаго сословія. Положимъ человѣкъ, не имѣющій достаточно земли, разоряетъ кладбище, и хоть этотъ поступокъ нельзя извинить, однако все же есть какая нибудь цѣль совершить его; но допускать безъ всякой надобности и пользы растаскивать старинные кресты и разрушать могилы христіанъ, сложившихъ головы за сто лѣтъ съ небольшимъ—какъ то неловко и пожалуй дико. Что, кажется, мѣшали бы кому могилы Запорожцевъ, почившихъ въ изгнаніи? Напротивъ, величественные каменные кресты придавали бы красоты самой усадьбѣ, если бы ихъ оградить отъ произвола животныхъ.... Но въ бывшей запорожской палестинѣ повсемѣстно нарушаютъ прахъ степныхъ рыцарей и образованный помѣщикъ и необразованный крестьянинъ и дикія стада четвероногихъ. Читатель, я думаю, сѣтуетъ на меня, что при каждомъ случаѣ я высказываю подобныя мысли,—но можно ли пройти равнодушно мимо такого обстоятельства. Я не имѣю никакихъ постороннихъ цѣлей: какъ природный малорусъ, знающій свою родину; какъ человѣкъ, изучившій этнографію и лѣтописи, я, по крайнему разумѣнію, дѣйствую откровенно, и не могу говорить, что родина моя не имѣла прошедшаго, достойнаго любознательности. И признаюсь, мнѣ было неизобразимо грустно увидѣть могилы Запорожцевъ, преданныя въ жертву такому печальному разрушенію. Когда первый разъ съ г. Блажковымъ я осматривалъ упавшіе кресты, на меня это не произвело сильно-тяжелаго впечатлѣнія, потому ли, что мѣшало присутствіе посторонняго, или наступав-

шій дождь возбуждалъ во мнѣ другія мысли. Но когда послѣ, одинъ, подъ вечеръ, бродя съ ружьемъ по пустынному берегу, я зашелъ на покинутое кладбище, и полный мѣсяць облилъ свѣтомъ своимъ недолгій временный приютъ изгнанниковъ,—я весь предался какой-то безотчетной грусти. Возлѣ меня подъ кудравой засыхающей грушей стоялъ наклонившійся крестъ Гордѣнка, и лучи мѣсяца, проходившіе сквозь рѣдкую листву, колеблемую вѣтеркомъ, волновались на поверхности сѣраго камня. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, данныхъ къ возсозданію личности этого кошеваго, но сколько можно судить по всему—это была далеко не обыкновенная личность. Здѣсь надобно немножко заглянуть въ исторію края. Какъ до присоединенія Малороссіи къ Россіи, такъ и послѣ этого событія, запорожье жило своей особой внутренней жизнью и если считало себя какъ бы вассаломъ сперва польскаго короля, а потомъ царя московскаго, то ни въ какомъ случаѣ не подчинялось малорусскому гетману. Стоитъ только прочесть сборники войнъ малорусскаго народа, называемые исторіями, чтобы убѣдиться въ какой степени Запорожцы были независимы, хотя вездѣ являются они поборниками вѣры и союзниками единоплеменцевъ, гдѣ дѣло касалось защиты родины отъ угнетенія. Титуль гетмана войска запорожскаго, принятый малорусскими гетманами, былъ чисто номинальный, давшій только поводъ иностранцамъ и даже русскимъ смѣшивать Запорожцевъ съ малорусскимъ козаками, и гетманъ не имѣлъ никакого права посылать въ Сѣчь своихъ универсаловъ. Есть одинъ замѣчательный примѣръ подобныхъ сношеній, повторенный въ такъ называемыхъ исторіяхъ, который однакоже считаю не лишнимъ привести для многихъ читателей, можетъ быть незнакомыхъ съ запорожской дипломатіей. Во время гетманства Самойловича, послѣдній однажды писалъ кошевому Сѣрку въ родѣ выговора за то, что кошевой позволялъ татарамъ пасти стада на своихъ лугахъ, и спрашивалъ—на какомъ основаніи войско рѣшается потворствовать хищнымъ непріятелямъ. Изложивъ довольно оригинально въ своемъ отвѣтѣ мысль, что если и чортъ окажетъ намъ услугу, то и чорта должно отблагодарить, и изъяснивъ, что изстари подобныя дозволенія существуютъ между обѣими сторонами въ случаѣ неурожая, кошевой заключаетъ: «Не диво мнѣ, панъ гетманъ, что ты не знаешь нашихъ обычаевъ, но диво то, что

ты юлишь передъ нами, точь въ точь какъ покойный отецъ твой на поминкахъ передъ прихожанами». Заключение это много теряетъ въ переводѣ. Но если вспомнимъ, что Самойловичъ происходилъ изъ духовнаго званія, то увидимъ какую бѣдную насмѣшку заключалъ отвѣтъ кошеваго, и какъ мало имѣлъ не только власти, но и вліянія человѣкъ, именовавшійся гетманомъ войска запорожскаго. Короче сказать, сѣчевики до послѣднихъ временъ не признавали ничьей власти, исключая верховной и то не вполнѣ, и только съ возвращеніемъ изъ Турціи зависимость ихъ приняла болѣе опредѣленный характеръ. Слѣдовательно на кошеваго Гордѣнка нельзя смотрѣть какъ на бунтовщика въ тѣсномъ смыслѣ, и, если онъ, прельстясь обѣщаніями умнаго друга своего Мазепы, рѣшился дѣйствовать въ пользу независимости Малороссіи, то за это нельзя еще швырять въ него грязью презрѣнія и честить оскорбительными названіями, какъ привыкли честить близорукіе историки людей, положимъ заблуждавшихся, но дѣйствовавшихъ въ силу крѣпкаго убѣжденія. Надобно обратить немножко вниманія на эпоху, событія и не мѣшаетъ также вникнуть въ тѣ обстоятельства, которыя вызываютъ то или другое стремленіе. Когда Мазепа съ хитростью іезуита велъ свой планъ отторженія, какъ умный человѣкъ онъ не пренебрегъ дружбой Гордѣнка и старался привлечь на свою сторону вождя храброй и могучей въ то время дружины. Всѣмъ извѣстно, что кошевой самъ собою ничего не могъ дѣлать, что онъ собиралъ раду на совѣщаніе и что важныя рѣшенія произносились громадой, а слѣдовательно нужно было согласіе большинства опытныхъ и вліятельныхъ старшинъ, чтобы приступить къ какому нибудь важному дѣлу. Не будемъ здѣсь разбирать поступки Мазепы; предоставимъ это перу болѣе искусному, тѣмъ болѣе, что монографія этого замѣчательнаго чловека вѣроятно занимаетъ кого нибудь изъ нашихъ опытныхъ дѣятелей. Былъ ли онъ дерзкій честолюбецъ или мятежникъ изъ любви къ искусству—это не наше дѣло, но онъ былъ чловекъ необыкновенный, жизнь котораго для насъ покрыта еще тайною. Можетъ быть современный историкъ, въ особенности чловекъ безпристрастный, измѣнитъ многія страницы, правда поэтическія, но не совсѣмъ вѣрныя съ дѣйствительностью. Кровавый эпизодъ Кочубея, можетъ быть, тоже потеряетъ нѣсколько поэческаго колорита, но это не должно мѣшать

правдивому сказанію. Мы охотно видимъ въ Кочубеѣ поруганнаго отца и жертву преданности престолу, но какъ будто не хотимъ заглянуть между строчки и словно пугаемся спросить: отчего же Кочубей выступилъ съ своимъ доносомъ только тогда, когда заговорило сердце отца? Отчего же кумь и другъ гетмана, конечно знавшій тайны послѣдняго, не хотѣлъ во время дружескихъ отношеній донести въ Москву о замышляемомъ заговорѣ? Но это побочные предметы. Обратимся къ Гордѣнку. Кошевой атаманъ, не мечтавшій стать правителемъ страны, пользовавшійся и безъ того едва ли не полной независимостью, рѣшился присоединиться къ Мазепѣ. Ни подарки Петра, ни угрозы, ни наконецъ разореніе Сѣчи—не заставили его переменить убѣжденія: онъ оставался вѣренъ гетману, даже во время бѣдствій послѣдняго, когда оборвалась всякая надежда, когда Мазепа изнывалъ въ пустынной Варинцѣ вблизи Бендеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобный атаманъ не могъ не возбудить гнѣва въ Петрѣ Великомъ, но заслуживаетъ ли безусловнаго порицанія человѣкъ, слѣдовавшій своимъ убѣжденіямъ, несмотря ни на какія обстоятельства. Полтора вѣка прошло съ разоренія чертомлыцкой сѣчи, болѣе ста двадцати лѣтъ минуло со времени смерти Гордѣнка; Запорожье давно не существуетъ; Малороссія совершенно слилась съ Россіей и составляетъ одну изъ лучшихъ хлѣбороднѣйшихъ провинцій имперіи; племя наше служить на всѣхъ поприщахъ государству, многочисленныя жилы котораго бьются одною жизнью; наконецъ благодѣтельные лучи цивилизаціи начинаютъ сглаживать всѣ рѣзкія особенности.... И неужели же и теперь еще исторія, по примѣру прежнихъ временъ, должна задумываться надъ каждымъ фактомъ и представлять его въ такомъ свѣтѣ, чтобы не называть вещей собственными именами! Нѣтъ, я той вѣры, что пора намъ добросовѣстно трудиться на этомъ поприщѣ и безъ гнѣва и поддѣльнаго рвенія разбирать лица, участвовавшія въ той или другой эпохѣ. Отчего историческіе рассказы Маколея читаешь съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ читались самые замысловатые романы во время пылкой юности? Оттого, что событія и лица выпукло выходятъ у него на сцену со всѣми подробностями, умышленно скрытыми прежними историками, и правда бьетъ въ глаза на каждой страницѣ. Зачѣмъ же въ однихъ находить только добродѣтели и добродѣтели, а въ другихъ лишь пороки и недостатки?

Все это думалъ я, сидя на могильномъ холмѣ атамана и смотря на игру тѣней, игравшихъ на крестѣ Гордѣенка сквозь грушевую листву. Шелестъ травы заставилъ меня оборотиться. Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ крестьянинъ, держа въ рукахъ шапку. Я поздоровался съ незнакомцемъ.

— А что тебѣ надобно, любезный? сказала я ему.

— Ничего. Я вотъ смотрю, что вы давно уже сидите на гробѣ и думаю—зачѣмъ этотъ панъ пришелъ сюда въ такую пору. Вѣрно отдыхаете послѣ охоты.

— Надѣвай-ка шапку. Точно я усталъ и отдыхаю. Ты здѣшній?

— Нѣтъ не здѣшній, но уже давно живу по близости.

— Но ты помнишь, когда эти кресты были еще цѣлы?

— Какъ же, панъ, и ихъ тутъ стояло довольно.

— Не расскажешь ли ты чегонибудь о старинѣ?

— Нѣтъ. Говорятъ, что жили здѣсь запорожцы, да кто ихъ знаетъ.

— Вѣрно тутъ была Сѣчь?

— Старики рассказывали, что была, и вотъ тутъ еще я помню землянки, никакъ стояли курени.

— Кто же разорилъ могилы?

— А извѣстно такъ себѣ: здѣсь пасутся стада, подойдет волъ почесаться, свинья порыться, а иногда и человѣку нуженъ камень подпереть ворота.

— Да вѣдь это грѣхъ.

— А кто его знаетъ.

— Какъ же кто знаетъ! Коли стоитъ крестъ на могилѣ, значитъ подъ нимъ почиваетъ христіанинъ, а тревожить прахъ—грѣшно, любезный.

— Оно грѣшно, да на это нѣтъ запрету, при томъ же панскіе люди берутъ....

— А не знаешь ли ты какихънибудь преданій объ этихъ могилахъ?

— Говорятъ, похоронены какіе то старшины, а въ томъ кто ихъ знаетъ. Рассказываютъ, что возлѣ этой большой могилы въ прежнія времена свѣтился огонекъ—значитъ зарыть кладъ, вотъ и ямки здѣсь копаны, а нашель ли кто деньги—неизвѣстно.

Почти тоже я слышалъ и отъ другихъ мѣстныхъ жителей. Все это народъ захожій, и преданія для нихъ почти не суще-

ствують. Я простился съ моимъ новымъ знакомцемъ и, не найдя лодки переправиться черезъ Каменку, пошелъ далеко вверхъ обойти эту балку. На большой дорогѣ у постоялаго ожидали меня лошади, и я отправился къ своему становищу.

За Каменкой, которая при впадении окружена горами, поросшими чуднымъ дубовымъ лѣсомъ и усѣянными камнями, лежитъ небольшая деревенька Блажкова, принадлежащая помѣщику того же имени. Небольшая усадьба и нѣсколько избъ составляютъ все владѣніе. Помѣщикъ этотъ дѣятельно занимается рыболовствомъ и независимо отъ прочихъ рыболовныхъ снарядовъ имѣетъ большой запасъ различныхъ удочекъ. Подъ его соломенной кровлей я встрѣтилъ рѣдкое патріархальное гостепріимство. На степи, ему принадлежащей, по дорогѣ къ Бизюкову монастырю есть продолговатые курганы замѣчательной формы, изобилующіе камнями, лежащими рядами, которые сложены такимъ образомъ не иначе какъ руками человѣческими. Изслѣдованіе этихъ кургановъ, я полагаю, было бы любопытно для науки. Не имѣя самъ времени, а болѣе средствъ для подобной разработки, я не считаю лишнимъ указать на этотъ курганъ лицамъ, имѣющимъ возможность заняться археологическими изысканіями.

Въ Одессѣ есть общество исторіи и древностей, однако оно до сихъ поръ немного сдѣлало розысканій, а между тѣмъ кому же ближе заниматься подобными предметами. Конечно, полезно рыться въ греческихъ и римскихъ историкахъ и выбирать оттуда извѣстія, касающіяся до Новороссіи, но печатные иностранные памятники доступны ученому, живущему и въ Петербургѣ и Нью-іоркѣ и Парижѣ. Не полезнѣе ли было бы каждое лѣто вскрывать по нѣскольку кургановъ, которыхъ такое множество по степямъ новороссійскихъ губерній и Бессарабіи? И для этого не должно довольствоваться лишь мѣстностями, которыя можно пролетѣть на почтовыхъ въ покойномъ экипажѣ, но и заглядывать въ захолустья, лежація вдали отъ всякихъ дорогъ. Общество располагаетъ же какими нибудь суммами, слѣдовательно и можетъ удѣлить на археологическія раскопки. Иначе, какая цѣль существованія общества? Слова нѣтъ, что подобныя работы дороги, но это оттого, что не каждый беретъ за нихъ умѣючи. Можно раскопать курганъ за 1000 руб. и тотъ же самый вскрыть за половину. Разумное распредѣленіе рабочихъ, собственная усидчивость и приемотръ—чрезвычайно помогаютъ

при по
бочихъ
требуе
употре
ныхъ
навами
гдѣ уб
разрыт
отрѣзк
логи и
только
четлив
вперед
и чита
будут
ности,
жества
ціалист
многіе
ходить
настоя
вопрос
я въ к
дирова
на слѣ
нибуд
порядо
теть, п
неудов
и за л
сти и м
Саратов
ше про
общ. ис
разборъ
распрос
нельзя н
водитъ
Извѣстны

при подобныхъ работахъ, а если принять во вниманіе наемъ рабочихъ въ сосѣднихъ губерніяхъ заблаговременно, то и не требуется огромныхъ издержекъ, какія необходимы при болѣе употребительныхъ способахъ. Видѣлъ я на нѣкоторыхъ интересныхъ мѣстностяхъ курганы, разрытые по прежней системѣ—канавами, то продольными, то лежащими крестъ на крестъ. Вотъ гдѣ убито бесполезно много денегъ. При подобномъ способѣ разрытія, самыя лучшія драгоценности таятся иногда въ этихъ отрѣзкахъ, торчащихъ по сторонамъ. Впрочемъ, новѣйшіе археологи и безъ меня знаютъ какъ приступать къ работамъ. Нужно только побольше любви къ наукѣ въ членахъ, поменьше неразсчетливой скупости въ обществахъ, и археологія наша пойдетъ впередъ. Мало еще говорить въ торжественныхъ собраніяхъ рѣчи и читать отчетъ о суммахъ: рѣчи самыя краснорѣчивыя забудутся на другой день, а суммы пойдутъ на различныя надобности, на украшеніе помѣщеній и пожалуй на официальные торжества. Отчего бы хотъ и одесскому обществу не послать спеціалистовъ обозрѣть далекія неизвѣстныя мѣстности. Конечно многіе ѣздили, но какъ и гдѣ? Кромѣ ѣзды надобно иногда выходить не мало и собственными ногами, тогда только явятся настоящіе результаты. Что же сдѣлали посланные общества? Это вопросъ, на который отвѣчаютъ записки общества. Третій годъ я въ краю, однако не только не встрѣчалъ ни одного командированнаго члена на обширныхъ степяхъ, а даже не нападалъ на слѣдъ; наконецъ, бывая въ Одессѣ, не слышалъ, чтобы ктонибудь отправлялся съ какою бы то ни было цѣлью. Даже нѣтъ порядочной статистики края, несмотря на статистическій комитетъ, потому что изданный г. Скальковскимъ «Опытъ» далеко неудовлетворителенъ. За голыми цифрами, не всегда вѣрными, и за лирическими возгласами—вы не видите характера мѣстности и можете представлять себѣ Новороссію Тамбовской или Саратовской губерніей. Въ описаніи Днѣпра невѣрности и большіе пропуски, указанные впрочемъ въ III томѣ Записокъ од. общ. ист. и древностей—на стр. 466—507. Замѣчательный разборъ этотъ пропущенъ у насъ безъ вниманія. Не мѣсто здѣсь распространяться ни объ Опытѣ Статистики, ни о рецензій, но нельзя не привести нѣсколько наивныхъ строчекъ, которыя приводитъ и г. Бухтѣевъ въ доказательство невѣрности описанія. Извѣстный инженеръ и географъ Бопланъ, описывая въ полови-

нѣ XVII столѣтія Украину, а слѣдовательно и Запорожье, говорить о днѣпровскихъ островахъ довольно подробно и столь точно, что мы (говорить г. Скальковскій) при ихъ исчисленіи будемъ держаться его текста, сравнивая только съ мѣстностью и дополняя по возможности то, что имъ пропущено». Выписавъ этотъ періодъ, г. Бухтѣевъ замѣчаетъ: «Бопланъ, а съ нимъ и г. Скальковскій насчитали изъ множества только пятнадцать острововъ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ ихъ *девятисто четыре*!» (стр. 489). Хорошо дополнение! Но рецензентъ не напомнилъ почтенному автору Опыта Статистики, что Бопланъ доѣзжалъ только до Хортицы. «Я доѣзжалъ только до сего мѣста (до Хортицы), и остальное основываю на словахъ другихъ, а потому и не ручаюсь за достовѣрность онаго». (Описание Украины Боплана стр. 24).

За деревней Блажковой по берегу Днѣпра лежитъ другая деревенька, тоже Блажкова, такая же незначительная и незамѣчательная ни въ какомъ отношеніи. Еще ниже небольшой хуторокъ, жители котораго занимаются хлѣбопашествомъ. По выходѣ изъ этого хуторка, узкая тропинка вдоль каменистаго и необыкновенно красиваго берега ведетъ къ старинному забытому городищу—запорожескому, или, какъ говорятъ другіе, турецкому укрѣпленію. Последнее предположеніе вѣроятнѣе, потому что не такъ далеко отсюда Бериславъ, бывшій турецкій Кызыкирмень, считавшійся довольно важной крѣпостью. Во времена владычества Запорожцевъ на Чертомлыкѣ, невозможно предположить, чтобы турки допустили враговъ построить такъ близко крѣпость, а когда часть послѣднихъ перешла къ туркамъ и сѣла у Алешекъ, то козаки не имѣли уже средствъ воздвигнуть такое укрѣпленіе, да и нигдѣ Запорожцы не укрѣплялись подобнымъ образомъ: небольшіе окопы вокругъ табора были всей ихъ защитой. Какъ бы то ни было, а съ этого городища видъ на окрестность восхитительный. Внизу глубокой и окаймленный лѣсомъ Днѣпръ, за рѣкой неисходимая плавни съ своей обычной обстановкой и широкое озеро, называемое Великимъ лиманомъ, а чрезъ Пропасную Балку бѣлѣются зданія Бизюкова монастыря, извѣстнаго впрочемъ въ народѣ подъ именемъ Пропаснаго. Очевидно, послѣднее названіе происходитъ отъ балки, однако жители монастыря обижаются и съ неудовольствіемъ поправляютъ, если кто нибудь по незнанію произнесетъ неофи-

ціальное
рой когда
тамъ про
нескоро
мѣтить.
дальше н
Монастыр
столѣтія
ря въ См
плавни, р
номъ уеди
теплая и
большое
они на от
ибо имъ
венно глу
панораму
лереѣ вид
ребирали
Прожаж
видѣль бо
ми, а на
нихъ еще
но издали,
натія. Здѣ
то время,
на солнцѣ.
щиною въ
сѣро-зелено
видѣль нѣск
тобрюхъ ид
колониствъ м
рогѣ, онъ, п
щеся защи
эти, впрочем
ко я замѣти
говорать, сл
каждый разе
отъ другихъ.

ціальное имя. Пропасная балка названа такъ въслѣдствіе недоброй когда-то славы, потому что во времена грабежей, говорятъ, тамъ пропало много проѣзжихъ, а названіе, данное народомъ, нескоро изглаживается, какъ я имѣлъ уже случай не разъ замѣтить. За укрѣпленіемъ по балкѣ потонула деревенька, а дальше надъ берегомъ Дибра построены монастырскія зданія. Монастырь этотъ основанъ въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія и получилъ названіе упраздненнаго Бизюкова монастыря въ Смоленской губерніи. Ему дана земля, приписаны угодья, плавни, рыбныя ловли, и монахи поживаютъ себѣ въ живописномъ уединеніи, обезпеченные съ матеріальной стороны. У нихъ теплая и холодная церкви, порядочныя кельи, сады, пчельникъ, большое хлѣбопашество и скотоводство. Рыбныя ловли отдаютъ они на откупъ, за что конечно получаютъ порядочную плату, ибо имъ достались отличныя угодья. Дибра здѣсь необыкновенно глубока и течетъ подъ самымъ берегомъ. Видъ на ея панораму съ деревянной галереи восхитителенъ. На этой галереѣ видалъ я сѣдыхъ монаховъ, которые сидѣли и молча перебирали четки. Есть впрочемъ и молодые монахи....

Прохаживаясь возлѣ Бизюкова монастыря, я первый разъ видѣлъ большихъ змѣй, называемыхъ въ народѣ *желтобрюхами*, а на иныхъ мѣстностяхъ *подлозами*. Я много слышалъ о нихъ еще въ Екатеринославской губерніи и даже видѣлъ тамъ, но издали, такъ что не могъ составить о нихъ настоящаго понятія. Здѣсь же мнѣ удалось застрѣлить одну изъ ружья, въ то время, когда, свернувшись въ кольцо на камнѣ, она грѣлась на солнцѣ. Змѣя была безъ малаго три аршина длины и толщиною въ дѣтскую руку. Рубашка на ней очень красиваго узора сѣро-зеленоватаго цвѣта, а брюхо желтое. Въ послѣдствіи я видѣлъ нѣсколько подобныхъ змѣй, ползущихъ въ травѣ. Желтобрюхъ идетъ, поднимая голову на аршинъ отъ земли. Одинъ колонистъ мнѣ рассказывалъ, что, встрѣтивъ разъ змѣю на дорогѣ, онъ, перепугавшись, не успѣлъ осторониться: пресмыкающееся зашипѣло и вырвало у него кусокъ нижняго платья. Змѣи эти, впрочемъ, по рассказамъ, не нападаютъ на людей и, сколько я замѣтилъ, спѣшатъ укрыться отъ человѣка. Были, какъ говорятъ, случаи укушенія, но я имъ плохо вѣрю, потому что каждый рассказывавшій не былъ самъ свидѣтелемъ, а слышалъ отъ другихъ. Не знаю даже ядовиты ли эти змѣи, но полагаю,

что укушеніе должно быть не легко, судя по величинѣ пресмыкающагося. Между окрестными жителями ходять даже легенды болѣе или менѣе сказочнаго свойства. Монахи однакоже не говорили мнѣ о змѣяхъ ничего особеннаго, а вокругъ монастыря я видѣлъ множество желтобрюховъ, лежащихъ по тропинкамъ.

Отъ Бизюкова монастыря внизъ по Днѣпру идетъ очень красивый высокій берегъ, скаты котораго усеяны камнями и покрыты деревьями и кустарниками. Здѣсь растеть въ изобиліи даже дикій виноградъ, какъ бы указывая жителямъ на новую отрасль промышленности. Пѣшій путь этотъ необыкновенно приятенъ, такъ что забываешь усталость. Верстахъ въ трехъ врѣзывается въ Днѣпръ сухая балка, по которой можно признать слѣды мощенаго спуска, противъ котораго былъ, какъ говорятъ, каменный мостъ на другую сторону. Дѣйствительно, при низкой водѣ въ плавнѣ замѣтны еще камни по направлению къ противоположному берегу. Одинъ нѣмецъ изъ ближней колоніи рассказывалъ мнѣ, что помнитъ очень хорошо въ плавнѣ больше камней и что на спускѣ была каменная настилка. Въ подобныхъ случаяхъ я охотно вѣрю, тѣмъ болѣе, что добряку не изчего выдумывать, сообщая такія свѣдѣнія.

Первая деревня за Бизюковымъ монастыремъ, примѣрно верстахъ въ шести,—нѣмецкая колонія Клостердорфъ, по простонародному Кустерка. Она принадлежитъ къ категоріи колоній такъ называемаго шведскаго округа, состоящаго изъ четырехъ деревень одна возлѣ другой, изъ которыхъ только вторая собственно шведская. Я жилъ нѣсколько разъ въ этой колоніи, тѣмъ болѣе, что жители ея всѣ почти рыболовы, какъ люди, принесшіе съ дальняго сѣвера любовь къ этому промыслу. Клостердорфъ небольшая деревня и не отличается постройкою домовъ, потому что живетъ народъ небогатый, хотя и трудолюбивый. Вообще всѣ эти колоніи, о которыхъ, избѣгая однообразія, я не буду говорить порознь, далеко не въ томъ цвѣтущемъ положеніи, въ какомъ находятся менонитскія колоніи хортицкаго округа. Причины я не знаю, и сколько могъ замѣтить, полагаю, что главную здѣсь роль играетъ слабѣйшая производительность почвы. Опишу преимущественно такъ называемую Старо-шведскую колонію. Шведы вообще народъ добрый; въ каждомъ колонистѣ видите вы стремленіе къ образованію. Когда я обжился между ними и свель знакомства, однаж-

ды неожиданно
сказать ко
ной особ
Иногда
своему п
кихъ сред
Изъ прош
сать исход
таки желат
три деревн
ды не подд
ся уобъжда
народность.
лежки, но
нибудъ за
иль обѣдню
еобою жит
мѣнія, вес
личнѣ знат
ють послѣдн
сѣдами. Шв
томъ—въ чу
вообще въ с
нія исполняю
хомъ по муж
Шведы, ка
этимъ занима
отлупную сум
которыхъ 50
вѣреннаго и п
приказомъ. На
съ общества
время контра
1865, съ плат
общество раздѣ
еть своей совет
у всякаго рыба
штукъ 20 вен
лошастъ, не уча

ды неожиданно получаю отъ нихъ прошеніе. Здѣсь надобно сказать ксѣтаи, что жители многихъ деревень, считая меня важной особой, прибѣгаютъ часто ко мнѣ со своими нуждами. Иногда дѣйствительно встрѣчаются нужды вопіющія, но я по своему положенію не имѣю никакого права и наконецъ никакихъ средствъ удовлетворять желанія простодушныхъ добряковъ. Изъ прошенія, которое конечно я прочелъ, видно, что они просятъ исходатайствовать имъ шведскаго учителя. Бѣдняки все-таки желаютъ сохранить свою народность. Нѣмцы, которыхъ три деревни, стараются всѣми силами ихъ онѣмечить, но шведы не поддаются. Напрасно оберъ-шульцъ, изъ нѣмцевъ, старается убѣждать ихъ учиться по нѣмецки, шведы стоятъ за свою народность. Они учатся по русски, многіе говорятъ и по нѣмецки, но при малѣйшей возможности нанимаютъ хоть какого вибудъ заѣзжаго шведа. Сосѣдній пасторъ нѣмецъ служитъ имъ обѣдню, однако у нихъ духовныя книги шведскія, и между собою жители иначе не говорятъ какъ по шведски. Они того мнѣнія, весьма впрочемъ справедливаго, что живя въ Россіи приличнѣе знать русскій языкъ, чѣмъ нѣмецкій, а если иные знаютъ послѣдній, то единственно для облегченія сношеній съ сосѣдами. Шведы ходятъ въ такъ называемомъ мѣщанскомъ костюмѣ—въ чуйкахъ или длиннополыхъ стуртукахъ, а женщины вообще въ ситцевыхъ платьяхъ самаго простаго покроя. Послѣднія исполняютъ все мужскія работы, дѣвушки же ѣздятъ верхомъ по мужски, ловко управляя лошадьми.

Шведы, какъ я сказалъ уже, все рыболовы, но промысломъ этимъ занимаются не свободно, а платятъ въ окружной приказъ откупную сумму. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: хозяева, которыхъ 50 человекъ, избираютъ изъ среды себя одного довѣреннаго и поручаютъ ему заключить контрактъ съ окружнымъ приказомъ. На обязанности этого колониста лежитъ также сборъ съ общества денегъ по истеченіи каждой трети. Въ послѣднее время контрактъ заключенъ на двѣнадцать лѣтъ съ 1855 по 1865, съ платою въ годъ по 251 р. 20 к. сер. Рыболовное общество раздѣляется на двѣ артели, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой собственный неводъ (нѣтгодъ) и «дубъ». Сверхъ того у всякаго рыбака есть собственныя сѣти (неи) до 60 сажень, штукъ 20 вентерей (рысья) и небольшая лодка (бодень). Колонистъ, не участвующій въ артеляхъ, можетъ ловить рыбу

только собственно для своего употребленія, но не для продажи, употребляя снарядъ не болѣе 10 сажень. Артели раздѣляютъ уловъ поровну и каждый продаетъ свою часть въ Бериславѣ и Каховкѣ, но иногда, не приступая къ раздѣлу, продаютъ рыбу оптомъ прїѣзжимъ прасоламъ и дѣлятся деньгами. Это бываетъ осенью, зимою и раннею весною, пока рыба ловится еще въ маломъ количествѣ. Съ прибытіемъ же воды, каждая артель свозитъ уловъ въ назначенное мѣсто въ плавнѣ и каждый хозяинъ беретъ свою часть и солить ее съ помощью своего семейства, складывая въ кадки. Подержавъ рыбу известное время въ рассолѣ, ее вывѣшиваютъ для вяленія и тогда уже или продаютъ прїѣзжимъ евреямъ (преимущественно изъ западныхъ губерній), или сами развозятъ для продажи по ярмаркамъ и базарамъ. Когда же воды прибудетъ столько, что затопятся все рѣчки и протоки и употребленіе невода дѣлается невозможнымъ, тогда каждый рыбакъ ловитъ рыбу сѣтями и вентерями, сколько и когда угодно, безъ ограниченія. Лѣтомъ во время полевыхъ работъ рыболовство почти прекращается, а подъ осень, т. е. съ августа по октябрь прїѣзжаютъ чумаки изъ Полтавской и Кіевской губерній и нанимаютъ у общества рыбныя ловли. Чумаки же привозятъ съ собою собственный неводъ, а отъ колонистовъ пользуются только дубомъ. Они ловятъ рыбу, солятъ и вялятъ ее, складываютъ въ бочки и увозятъ для продажи въ свою сторону. Сорта рыбы здѣсь слѣдующіе: осетръ (стырїя), стерлядь (чечуга), щука (гедди), лещъ (браскинъ), сазанъ (скоропъ), карась (рювинъ), и въ маломъ количествѣ сельдь (силень).

Между шведами встрѣчается довольно охотниковъ, которые преимущественно ведутъ войну съ волками, но стрѣляютъ также и дичь, водящуюся здѣсь въ изобиліи. Надъ Днѣпромъ при началѣ колоніи тоже есть городище, по канавамъ и раскопаннымъ валамъ котораго валяется множество камней и битой глиняной старинной посуды. Между шведской колоніей и Клостердорфомъ по берегу, усѣянному огромными камнями, есть одна скала, о которой рассказываютъ легенду: будто бы еще очень недавно на одинъ плоскій черный камень вылѣзала огромная змѣя, которая хватала ягнятъ. Змѣя эта имѣла необыкновенно страшный видъ и была ужасомъ жителей. Никто однако же не видѣлъ ее собственными глазами.

Особенныхъ
быть потому,
дять, шведы
ствуешь добр
венно скром
ры. Воровств
Блажкову съ
английскую в
красивой, по
Когда, возвра
этомъ своему
какъ будто
резъ часъ вся
торжественно
го постояльца
ко мнѣ приш
такая неприят
но оставилъ б
ти необходим
власти не нака
ненія съ шве
весь округъ.
въ этомъ отн
кихъ колонист
въ Херсонской
дый день пред
купающа необх
значать цѣну,
платять за все
—Ужъ лучше
Но я не могъ
часто происхо
молоко не хотѣ
убѣждать добря
свое продовольс
нихъ самихъ сто
Шведы болѣе
который вездѣ про
обычай варить х

Особенныхъ обрядовъ и обычаевъ я не замѣтилъ, можетъ быть потому, что не представилось случая, но сколько могу судить, шведы народъ добрый и между сосѣдями у нихъ царствуетъ добродушная патриархальность. Колонисты необыкновенно скромны, такъ что я ни разу не слышалъ никакой ссоры. Воровство здѣсь неизвѣстно. Помню, однажды ѣздилъ я въ Блажкову съ мальчикомъ изъ Клостердорфа и бралъ съ собою англійскую выдвижную удочку. Проводникъ мой прельстился красивой, по его мнѣнію, палкой и похитилъ ее безъ церемоніи. Когда, возвратясь, я осмотрѣлся, что нѣтъ удочки и сказала объ этомъ своему хозяину шведу, онъ пришелъ въ такой ужасъ, какъ будто бы совершилось самое страшное преступленіе. Черезъ часъ вся колонія знала о пропажѣ удочки, и хозяинъ мой торжественно отправился въ Клостердорфъ истребовать вещь своего постояльца. Нѣмецкая колонія смутилась въ свою очередь, и ко мнѣ пришла депутація просить прощенія. Вообще это была такая непріятная сцена, что если бы я предвидѣлъ ее, то охотно оставилъ бы удочку, хотя орудіе это лѣтомъ для меня почти необходимо. Много мнѣ стоило труда уговорить мѣстныхъ власти не наказывать мальчика, но болѣе всѣхъ имѣлъ я затрудненія съ шведами, которые огорчались, что воръ опозорилъ весь округъ. Честность у этого народа изумительная, такъ что въ этомъ отношеніи шведы отличаются отъ сосѣднихъ нѣмецкихъ колонистовъ. Извѣстна дороговизна съѣстныхъ припасовъ въ Херсонской (одной изъ хлѣбородныхъ) губерній. Мнѣ каждый день предстояло имѣть дѣло съ шведами и шведками, покупая необходимое, и всегда колонисты эти затруднялись назначать цѣну, въ томъ убѣжденіи, что хотя въ Бериславѣ и платятъ за все дорого, но въ колоніи вещь того не стоитъ.

—Ужъ лучше сами назначьте, говорили мнѣ иные.

Но я не могъ согласиться на подобное предложеніе, и потому часто происходили самыя щекотливыя сцены. Случалось, за молоко не хотѣли совсѣмъ брать денегъ, и мнѣ должно было убѣждать добряковъ, что я не гость ихъ и обязанъ платить за свое продовольствіе, и что наконецъ всякій продуктъ и для нихъ самихъ стоитъ денегъ.

Шведы болѣе другихъ терпятъ притѣсненіе отъ откупа, который вездѣ простираетъ свое могучее вліяніе. У шведовъ въ обычаѣ варить хлѣбный квасъ, довольно пріятнаго вкуса и цвѣ-

томъ похожій на пиво. Каждый колонистъ, прежде другихъ приготовившій этотъ напитокъ, охотно удѣляетъ его сосѣду, извлекая изъ этого свою выгоду. Весною нынѣшняго года хозяинъ мой сварилъ бочку квасу и поставилъ ее въ ледъ. Откупщикъ придраясь, что это пиво, запечаталъ бочку, и двѣ недѣли, которыя прожилъ я въ колоніи и окрестности, еще не было разрѣшенія, да и хозяинъ мой боялся подвергнуться отвѣтственности на томъ основаніи, что откупъ силенъ. А дѣло кажется очень ясно: пиво всегда можно отличить отъ квасу. Честный шведъ былъ возмущенъ поступкомъ откупщика и просилъ моего содѣйствія, но къ чему послужило бы ходатайство человѣка нечиноваго и даже неслужащаго? Я совѣтовалъ ему обратиться къ своему начальству, но вѣдь для этого надобно далеко ѣхать въ рабочую пору.

Въ шведской колоніи довольно садовъ, особенно на старой улицѣ, которую впрочемъ теперь раздвигаютъ, и я не знаю уцѣлѣютъ ли прекрасныя плодовые деревья. Образъ хозяйства, упряжь, повозки, плуги и прочія земледѣльческія орудія—все здѣсь нѣмецкое. Въ избахъ по возможности соблюдается опрятность. Живутъ колонисты порядочно, два раза въ день варятъ сытную пищу, въ которой главную роль играетъ рыба,—но я не замѣтилъ употребленія кофе. Впрочемъ у нѣкоторыхъ есть самовары. Масло готовятъ очень хорошее и пекутъ вкусныя хлѣбы. Шведы любятъ потолковать и болѣе или менѣе развиты, насколько развитіе доступно въ быту грамотнаго крестьянина. Есть изъ нихъ искусные ремесленники, въ особенности кузнецы и плотники, занимающіеся издѣліемъ фургоновъ: фургонъ шведской работы дѣлается также, какъ кичкасовскій, и надо отдать справедливость—экипажи эти дѣлаются чрезвычайно прочно и добросовѣстно.

Мнѣ чрезвычайно нравилась простота правилъ этого народа, и я въ шведскую колонію ѣхалъ всегда съ большимъ удовольствіемъ, увѣренный напередъ въ самомъ искреннемъ приѣмѣ. Шведы весело отправлялись со мною на охоту и на рыбную ловлю, и не было сколько нибудь замѣчательнаго мѣста, куда бы меня не водили и не рассказывали всего, что по ихъ мнѣнію могло быть занимательнымъ.

Слѣдующія двѣ колоніи: Мильгаузендорфъ и Шлангендорфъ нынѣшнѣ не отличаются отъ Кластердорфа, съ тою только разни-

цею, что по
Название Ш.
время перво
водилось мно
даго дома
хортицкимъ
или каменны
тогда какъ
восходнаго с
колоній знач
нонитовъ, а

Проѣхавъ
Дремайловку,
тоже по план
но гдѣ какъ б
не нѣмцы. Д
гадаетесь, чт
славъ населен
Колонія эта
приятное впечат
валъ я въ го
щественно евр
нальности, а
смотрителя мен
хозяйству. Пр
ногъ до голов
рыхъ одно тот
ній былъ въ о
квартиру, чѣм
въ домикѣ зам
Дибиръ, во вто
помѣщенія, а в
кой маслины и
въ новомъ врем
обходимыя вещи
человѣка три е
Иваномъ:

— А что, тв

дею, что послѣдняя католическая, а первыя двѣ лютеранскія. Названіе Шлангендорфъ произошло, говорятъ, оттого, что во время первоначальнаго поселенія колонистовъ, на томъ мѣстѣ водилось множество змѣй. Дворы обстроены порядочно, у каждаго дома садикъ, но всего два, три хозяина живутъ подобно хортицкимъ менонистамъ. Постройки по большей части земляныя или каменныя, потому что лѣсъ уже значительно здѣсь дорогъ, тогда какъ въ колоніяхъ хортицкаго округа все дома изъ превосходнаго сосноваго лѣса. Говорить о способѣ хозяйства этихъ колоній значитъ повторять сказанное прежде при описаніи менонитовъ, а потому слѣдую далѣе.

Проѣхавъ версты двѣ и миновавъ незначительную деревеньку Дремайловку, вы вѣзжаете снова въ колонію, которая протянулась тоже по плану, въ которой у домовъ кое гдѣ посажены деревья, но гдѣ какъ будто все говоритъ вамъ, что здѣсь живутъ не шведы и не нѣмцы. Достаточно нѣсколькихъ шаговъ по улицѣ, и вы догадаетесь, что вѣхали въ еврейскую колонію. Новый Бериславъ населенъ выходцами изъ литовскихъ губерній и Курляндіи. Колонія эта и жизнь въ ней, не скажу, чтобы оставили во мнѣ пріятное впечатлѣніе, но поразили своей оригинальностью. Бывалъ я въ городахъ западныхъ губерній, населенныхъ преимущественно евреями, но все же тамъ встрѣчаются другія національности, а здѣсь никого кромѣ израильтянъ, за исключеніемъ смотрителя менониста, который назначенъ собственно учить евреевъ хозяйству. Предъявивъ въ приказѣ открытый листъ, я былъ съ ногъ до головы осмотрѣнъ начальствующими лицами, изъ которыхъ одно тотчасъ же побѣжало въ домъ смотрителя. Послѣдній былъ въ отсутствіи, но жена его предложила мнѣ у себя квартиру, чѣмъ много обрадовала меня, во первыхъ потому, что въ домикѣ замѣтилъ я большія окна, выходившія прямо на Днѣпръ, во вторыхъ мнѣ представилась необыкновенная чистота помещенія, а въ третьихъ—вокругъ двѣли кусты душистой дикой маслины и огневиднаго шиповника. Не успѣлъ я водвориться въ новомъ временномъ пріютѣ, не успѣлъ мой слуга внести необходимые вещи и поставить самоваръ, какъ въ сѣняхъ явился человѣкъ три евреевъ, и я услышалъ разговоръ ихъ съ моимъ Иваномъ:

— А что, твой панъ большой человѣкъ?

— Нѣтъ небольшой, отвѣчалъ Иванъ съ своимъ малорусскимъ акцентомъ.

— А можно ему подавать прошенія?

— Не принимаетъ.

— А мы дадимъ тебѣ злѣтый (15 к.)

— Убирайтесь съ своимъ злотымъ къ чорту!

— Ай, не сердись! мы подадимъ такое маленькое прошеніе.

— Нельзя. Да чего же вы хотите?

— Насъ притѣсняють, проговорилъ еврей, понизивши голосъ.

— Я сказалъ уже вамъ, чтобъ вы убирались поздорову.

— Мы тебѣ дадимъ два злота.

— А я дамъ вамъ по шеѣ. Пошли вонъ! не дадутъ отдохнуть съ дороги.

— Какой же ты сердитый! А какъ тебя зовутъ?

— Иваномъ. Зачѣмъ вамъ?

— Слушай, Иванъ, мы люди честные.

— Знаю я васъ, посмотрѣлся въ Бердичевъ и Житомиръ.

— Мы бѣдные и честные. Вѣдь твой панъ изъ самаго Петербурга.

— Ну такъ чтожь?

— Зачѣмъ же онъ посланъ?

— А я развѣ знаю.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Извѣстно, сидитъ да пишетъ.

— А и онъ сердитый?

— Попробуй полѣзть въ комнату.

— Мы не посмѣемъ, а хотѣлось бы подать прошеніе.

Разговоръ становился для меня занимательнымъ, но пріѣхавъ смотритель колоніи и евреевъ какъ не бывало.

Новый Бериславъ на красивомъ мѣстѣ. Но взглянувъ вобругъ, вы непременно замѣтите нечистоту, безъ которой еврей обойтись не въ состояніи. Дворы завалены соромъ, на колышкахъ вездѣ развѣшано тряпье и лохмотья. У иныхъ впрочемъ разведены огородики, но не иначе какъ по сильному настоянію смотрителя. Въ каждомъ почти дворѣ коза и клѣча: первая для молока, вторая для поѣздокъ въ Бериславъ по части различныхъ плутней, и по сосѣднимъ деревнямъ для той же самой надобности. Еврей колонисты постоянно заняты мелкою промышленностью, и во всей колоніи, можетъ быть три, четыре человѣка, у которыхъ

успѣшно
гораздъ
виду ль
поръ зе
изба, д
дѣльчес
какъ во
сяти дес
воловъ п
пришли
го колон
избы, ст
хозяевам
ною торг
иные уж
но есть
въ подра
принято
волами. I
перебивак
не только
безукориз
чается у
рые въ X
рыя руки,
только въ
Смотрител
ему поселе
занимались
дили садив
евреямъ. В
трудомъ и
жайшемъ го
разведеніем
какъ вещи,
они увѣрял
мѣсто всяки
своего дома
лей, тутовых

успѣшно идетъ хозяйство, а прочіе, какъ говорится, кто во что гораздъ. По всему полагать можно, что поселенцы имѣли въ виду льготы и денежное вспомошествованіе, но съ первыхъ же поръ земледѣліе не входило въ ихъ расчеты. Каждому выстроена изба, даны пара воловъ, корова, отпущены деньги на земледѣльческія орудія и отведена земля въ широкихъ размѣрахъ, какъ вообще въ южной Россіи колонистамъ, т. е. по шестидесяти десятинъ на хозяина. Чего бы кажется лучше? Но Еврей воловъ перевелъ на клячу, корову на козу, орудія сами собою пришли въ негодность, нѣкоторыя избы опустѣли, и вотъ отчего колонія имѣетъ такой непріятный оборванный видъ. Я видѣлъ избы, стоящія пустыремъ, брошенныя уже года по два своими хозяевами, которые шныряютъ гдѣ-то далеко, занимаясь мелочною торговлею. Однако мало по малу, говорилъ мнѣ смотритель, иные уже привыкаютъ къ земледѣльческому труду. Дѣйствительно есть нѣсколько хозяевъ порядочныхъ хлѣбопашцевъ, которые въ подражаніе нѣмцамъ пашутъ лошадьми, хотя вообще на югѣ принято мнѣніе, что той почвы иначе нельзя воздѣлывать какъ волами. Но этихъ зажиточныхъ хозяевъ весьма мало, прочіе перебиваются кое-какъ и преимущественно занимаются поѣздками не только дневными, но и ночными. Конечно послѣднія не имѣютъ безукоризненной цѣли, и говорятъ окрестные сосѣди, что случается у нихъ недочетъ въ рогатомъ скотѣ и лошадяхъ, которые въ Херсонской губерніи какъ-то живо передаются въ добрыя руки, особенно въ Бессарабію. Объ этомъ говорятъ не только въ ближайшихъ колоніяхъ, но и далеко въ окрестности. Смотритель менонистъ строго держитъ въ рукахъ ввѣренныхъ ему поселенцевъ и настойчиво требуетъ отъ нихъ, чтобы они занимались полевыми работами, воздѣлывали огороды и разводили садики у жилищъ своихъ. Разумѣется, это не нравится евреямъ. Въ полѣ они еще пашутъ кое-какъ, воздѣлываютъ съ трудомъ и огороды, потому что овощъ можно продать въ ближайшемъ городѣ, но еврей никакъ не можетъ примириться съ разведеніемъ садиковъ, т. е. акацій и плодовыхъ деревьевъ — какъ вещи, по его мнѣнію, совершенно бесполезной. Сначала они увѣряли, что на той почвѣ не могутъ расти деревья. На мѣсто всякихъ убѣжденій терпѣливый менонистъ насадилъ возлѣ своего дома прекрасный садъ изъ акацій, дикой маслины, тополей, тутовыхъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. Нѣсколько разъ,

во время отлучекъ его куда нибудь по дѣламъ, они въ удовольствіе, что почва не производительна, вырывали ночью дерева, подсекали корни и вообще дѣлали всякія пакости, чтобы уничтожить новое насажденіе. Настойчивый менонистъ не обращалъ на это вниманія и вскорѣ домикъ его окруженъ былъ густымъ тѣнистымъ садикомъ. Тогда онъ строже началъ требовать отъ своихъ подчиненныхъ посадки деревьевъ, и сыны израиля волею-неволею начали ненавистное для нихъ дѣло. Садить-то они сажаютъ, но какъ вовсе не ухаживаютъ за деревьями, то и успѣха мало, хотя по улицѣ у каждаго домика торчатъ по нѣсколько кустиковъ акаціи. Избы не могутъ похвалиться наружной опрятностью, а о внутренней и говорить нечего: это условіе, котораго нельзя и требовать отъ еврея такого сорта, тѣмъ болѣе, что и многіе богатые, живущіе въ городахъ, считаютъ чистоплотность и опрятность не въ числѣ ветхозавѣтныхъ добродѣтелей. По улицѣ бѣгаютъ многочисленныя толпы дѣтей, которыхъ у этого племени всегда такое множество, вслѣдствіе раннихъ браковъ и особенной плодовитости.

Въ первый же день моего пріѣзда въ Новый Бериславъ, когда послѣ короткаго разговора съ менонистомъ, я принялся за чай въ ожиданіи обѣда, ко мнѣ, пользуясь отсутствіемъ Ивана, робко вошелъ приземистый еврей и поклонился такъ, какъ кланяются они въ западныхъ губерніяхъ.

— Ты кто?

— Десятникъ и факторъ.

— Что же тебѣ надобно?

— Можетъ, чего надобно вашему сіятельству.

— Не называй меня сіятельствомъ.

— Какъ угодно вашему превосходительству.

Видя это *crescendo* титуловъ, я уже не настаивалъ, а сказалъ:

— Надо бы достать курицу, масла, молока. Можно?

— У насъ все можно.

— Ну, что стоитъ у васъ курица?

— Полкербеля (50 к.).

— Какъ? я же у шведовъ платилъ 20 к!

— Знаю, да какія тамъ куры! У шведовъ курица маленькая, худая, а у насъ какъ индюкъ.

— Ты
— За
— Да
молока.
— Дв
— Та
— Въ
— Да
слѣдуетъ.
— Де
— Та
Еврей
приказані
полцѣны
Вечером
деревню,
ными пок
конечно я
менонист
не позвол
обязаност
даютъ, чт
счесть, что
лишь въ в
дать средст
Я съ пе
потому что
не понимаю
ченность пр
бажется, за
лено отъ н
стоящемъ п
жизни, если
и мелкой н
но ли требо
когда онъ в
са непремѣн
или сидѣль
для извлечені

— Ты лжешь, любезный десятникъ и факторъ.

— Зачѣмъ?

— Да такъ, изъ своей выгоды. А почему у васъ кувшинъ молока.

— Два злота (50 к.).

— Такихъ цѣнъ я не слыхалъ.

— Въ военное время....

— Да теперь, слава Богу, всюду миръ, а ты говори, что слѣдуетъ.

— Дешевле нельзя.

— Такъ ступай же себѣ, любезный, я найду и безъ тебя.

Еврей началъ понижать цѣны и только послѣ повтореннаго приказанія оставилъ меня въ покоѣ, а Иванъ купилъ все за полцѣны въ колоніи.

Вечеромъ я отправился на берегъ. Не успѣлъ я отойти за деревню, какъ человекъ пять евреевъ окружили меня съ униженными поклонами. Они просили позволенія подать просьбы, въ чемъ конечно я отказалъ имъ. Жалобы ихъ состояли въ томъ, что менонистъ строго заставляетъ ихъ заниматься хлѣбопашествомъ, не позволяетъ отлучаться изъ колоніи и требуетъ исполненія обязанностей, принятыхъ ими при водвореніи. Они наивно утверждаютъ, что не могутъ жить безъ торговли, не принимая въ расчетъ, что правительство пожертвовало землю и деньги, имѣя лишь въ виду ихъ собственное благосостояніе: оно именно хотѣло дать средство безбѣднаго существованія истиннымъ пролетаріямъ.

Я съ первыхъ же поръ началъ подробно входить въ ихъ бытъ, потому что мнѣ хотѣлось узнать: до какой степени люди эти не понимаютъ своихъ выгодъ, и не индивидуальная ли испорченность причиной этихъ жалобъ и непрощанія колоніи. Мнѣ кажется, заключеніе можно сдѣлать одно, и оно не будетъ удалено отъ истины, — что еврейское племя, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ поколѣніи, неспособно къ земледѣлю и къ сельской жизни, если послѣдняя не представляетъ поприща для торговли и мелкой промышленности. Да и можетъ ли быть иначе. Можно ли требовать, чтобы еврей былъ хорошимъ земледѣльцемъ, когда онъ весь вѣкъ жилъ въ городѣ или мѣстечкѣ и занимался непременно какимъ нибудь ремесломъ и промысломъ, т. е. или сидѣлъ цѣлый день за работою, или шнырялъ по улицамъ для извлеченія барышей изъ своего капитала всякими средства-

ми. Онъ мелькомъ видѣлъ плугъ и борону и ему даже изъ простаго любопытства не приходила мысль присмотрѣться ближе къ этимъ орудіямъ и взглянуть на ихъ дѣйствіе. Опять съ другой стороны евреи необыкновенно трудолюбивы: между ними рѣшительно нѣтъ тунеядцевъ, а каждый непременно занятъ и добываетъ трудомъ кусокъ насущнаго хлѣба, если даже трудъ этотъ состоитъ въ одномъ только факторствѣ. Съ перваго раза покажется страннымъ—отчего же такое трудолюбивое племя, умѣющее изъ ничего извлекать барыши, не хочетъ заняться хлѣбопашествомъ, самымъ вѣрнымъ средствомъ не только прокормить семью, но и обезпечить будущее благосостояніе. Дѣло очень просто. Обольщенные обѣщаніемъ хаты, воловъ, земли, средствъ переѣхать на счетъ правительства въ мѣсто новаго назначенія, истинные бѣдняки схватились за это и отправились въ обѣтованную землю. Дѣйствительно, за малымъ исключеніемъ, шли пролетаріи, нуждавшіеся въ кускѣ хлѣба и добывавшіе его горькимъ трудомъ. Избы имъ были выстроены, отмѣрена земля, подарены рабочій скотъ и выданы деньги на покупку земледѣльческихъ орудій. Кажется, сдѣлано все, даны средства—стоитъ только заняться прилежно хлѣбопашествомъ. Но теорія и практика не всегда дружно сходятся между собою. По теоріи, имѣя подъ рукою цифру хозяевъ, количество десятинъ земли, рабочаго скота, принявъ во вниманіе качество почвы, можно было на бумагѣ вывести средній урожай новой колоніи и опредѣлить даже средній доходъ колониста. Но въ дѣйствительности дѣло пошло какъ-то иначе, не повинаясь статистическимъ вычислениямъ. Чтобы человѣку, сидѣвшему всю жизнь за иглой или шиломъ, привыкнуть успешно ходить за плугомъ, научиться сѣять, косить, жать, молотить,—едва ли нужно не больше времени, чѣмъ взрослому земледѣльцу выучиться сшить кафтанъ или стачать пару сапогъ. Да я и не знаю, что труднѣе. Владѣнье иглой или другимъ подобнымъ орудіемъ едва ли не легче, чѣмъ многосложныя сельскія работы, при которыхъ кромѣ желанья, умѣнья, опытности, приобрѣтаемой съ малолѣтства, нужна еще физическая сила. Возьмите же еще одно обстоятельство, на которое, можетъ быть, не все статистики обращаютъ вниманіе. Евреямъ даны отъ правительства воли въ видѣ рабочей силы, по принятому обыкновенію на югѣ, а для обученія хозяйству назначены менонисты, который не только не сумѣютъ

пахать во
сбывать во
купку деп
которыя п
ли все эт
коловиств
го: онъ п
привезъ с
вый невоз
которыя л
хозяиномъ
и не была
женіемъ н
кусственн
для проле
танъ. Не
этого пле
чими пле
нимъ рук
кимъ-то о
ніями над
ходило
общееуѣш
ніемъ умѣ
Мнѣ случа
они на за
аулами, и
ленности и
той—трусс
ми, носятъ
чернильни
ровъ, кото
знаютъ мно
сектаторовъ
хорошаго, и
ней мѣрѣ гу
ты въ само
можно ли,
который не

пахать волами, но охуждаетъ подобный способъ. Значить, надо сбывать воловъ, заводить лошадей; деньги, подаренныя на покупку дешевыхъ орудій—употребить на пріобрѣтеніе нѣмецкихъ, которыя конечно гораздо лучше нашихъ допотопныхъ. Могли всѣ эти мѣры повести къ благосостоянію? Если нѣмецкій колонистъ благоденствуетъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: онъ пришелъ изъ Германіи настоящимъ земледѣльцемъ, онъ привезъ свои улучшенныя орудія, онъ охотно стремился въ новый невоздѣланный край, и, получивъ дѣвственную почву и нѣкоторыя льготы, на первыхъ же порахъ сдѣлался порядочнымъ хозяиномъ. Колонизація евреевъ возникла изъ другаго начала и не была добровольнымъ, такъ сказать естественнымъ выраженіемъ населенія, которое чувствовало себя стѣсненнымъ; а искусственнымъ переселеніемъ, попыткою создать безбѣдный бытъ для пролетаріевъ. Еврейскій вопросъ у насъ еще не разработанъ. Не одни дѣйствительно нехорошія качества большинства этого племени ставятъ его въ недружелюбныя отношенія съ прочими племенами, но и словно не переставала тяготѣть надъ нимъ рука Божія, разсѣявшая его по лицу всего міра. Съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ любилъ я заниматься наблюденіями надъ этимъ избраннымъ нѣкогда народомъ, и гдѣ ни приходилось мнѣ сталкиваться съ нимъ, я не могу сказать ничего общеутѣшительнаго, не включая немногихъ личностей, образованіемъ умѣвшихъ стать въ уровень съ потребностями времени. Мнѣ случалось видѣть евреевъ кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ они на западѣ и югѣ, въ горахъ на Кавказѣ, обитающихъ аулами, и вездѣ племя это предано торговлѣ, мелочной промышленности и обладаетъ одной рѣзкой, нигдѣ не исчезающей чертой—трусостью. Даже кавказскіе евреи, живущіе между горами, носятъ за поясомъ вмѣсто кинжала аршинъ или восточную чернильницу. Въ Одессѣ есть новая секта евреевъ-реформаторовъ, которые хотя и слѣдуютъ ветхому завѣту, однако не признаютъ многихъ нелѣпыхъ толкованій талмуда, и отъ этихъ толкаторовъ, стремящихся къ просвѣщенію, можно ожидать всего хорошаго, ибо они признаютъ начала хоть не евангельскія, по крайней мѣрѣ гуманныя. Но еврей-талмудисты это чистѣйшіе обскуранты въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого печальнаго слова, и я не знаю можно ли, гдѣ бы то ни было, найти изъ числа ихъ человѣка, который не употребилъ бы самымъ дурнымъ средствъ изъ же-

данія обмануть юя или нанести ему вред! Если мы будут указывать того или другаго образованнаго еврея, поступающаго какъ слѣдуетъ порядочному челоуѣку, я не только повѣрю на слово, но и самъ укажу двухъ, трехъ знакомыхъ, которые образованы и развиты согласно съ современными требованіями, но это не тѣ евреи, о которыхъ идетъ рѣчь, это люди, которые пока у насъ блещутъ словно перлы между своими единоувѣрцами.

Въ описываемой колоніи довольно большая и опрятная синагога и при ней школа для обученія дѣтей грамотѣ. Надо отдать справедливость евреямъ, что они непремѣнно учатъ мальчиковъ, которые, научившись читать и писать еврейскими буквами, почти что не понимаютъ древняго языка, а лепечутъ молитвы, вытвердивши ихъ наизусть, что впрочемъ встрѣчается и не у одного еврейскаго племени. Но нельзя не удивляться до какой степени евреи утратили свой прекрасный древній языкъ. Положимъ, въ прежнее время преслѣдованій они должны были по необходимости употреблять чужое нарѣчіе, но энергическій народъ, переживъ эпоху преслѣдованія, — стремится къ развитію языка своего. Дѣйствительно странны филологическія судьбы этого народа.

Новобериславская колонія состоитъ изъ двухъ типовъ, если можно назвать типами литовскихъ и курляндскихъ евреевъ, хотя послѣдніе находятся въ невесьма большомъ количествѣ. Ни тѣ, ни другіе не представляютъ рѣзкаго отличія; однако если всмотрѣться ближе и пристальнѣе, то курляндскій еврей будетъ неможко отесаннѣе и самая рѣчь его не имѣетъ той припрыжки и междометій, какія встрѣчаются въ рѣчи виленскихъ выходцевъ. Но и тѣ и другіе склонны къ бродяжничеству, и если бы не зоркій глазъ менониста, половина колоніи стояла бы пустыремъ, а промышленные жидки шныряли бы по окрестнымъ губерніямъ, что происходитъ и теперь, только въ маломъ размѣрѣ. Мы кажется, впрочемъ, что наивно нельзя сдѣлать изъ еврея земледѣльца, и я полагаю — было бы выгуднѣе отдавать землю праздношатающихся евреевъ какимъ нибудь крестьянамъ съ условіемъ, чтобы они занимались улучшеннымъ хлѣбопашествомъ, по нѣмецкому способу. Многіе колонисты Евреи, если бы только было дозволено, охотно возвратятъ казны издержки, употребленныя на ихъ переселеніе, лишь бы только приписаться

куда нибудь
рей въ стар
ку и новому
евъ понима
скимъ быто
принимаем
нетеніе и п
лонисты бо
буетъ собли
рей не пони
ни копѣйки

— Пусть
значить ест
ше денегъ;
ваю деревь
деревца? А
дворъ?

Такъ гов
разныя усл

Я старал
также какъ
денія, прив

— Въдъ
нибудъ или

— Да, п
ей не надо

Я не нац
кой находч

прилагать в
таки не хот

— Такъ

— А раз

— Да въ
стою бѣлье,

— Гдѣ на
мы держимъ

— А зач
— Помил
то оно испор

куда нибудь въ городскія общества. Не знаю какъ живутъ еврей въ старыхъ колоніяхъ, привыкло ли то поселеніе къ порядку и новому образу жизни, но здѣсь лишь пять, шесть хозяевъ понимаютъ пользу земледѣлія, а остальные тяготятся сельскимъ бытомъ и полевыми работами. Въ каждой мѣрѣ, принимаемой смотрителемъ для ихъ же пользы, они видятъ угнетеніе и по возможности ухитряются надувать начальство. Колонисты болѣе всего сѣтуютъ на смотрителя за то, что онъ требуетъ соблюденія чистоты, благотѣльнаго вліянія которой еврей не понимаетъ совершенно, ибо не можетъ извлечь изъ нея ни копѣйки.

— Пусть онъ бьетъ меня за то, что дурно пашу, сѣю—туть значить есть выгода: больше было бы хлѣба и стало быть больше денегъ; но то что же меня штрафовать, если я не поливаю деревья или не выметаю двора! Вай, вай! Что мнѣ изъ деревца? А еще больше—какая мнѣ польза, что будетъ чистый дворъ?

Такъ говорилъ одинъ плутоватый колонистъ предлагавшій мнѣ разныя услуги.

Я старался убѣдить его, что чистота необходима человѣку также какъ воздухъ, и желая, чтобы онъ понялъ яснѣе мои убѣжденія, привелъ ему примѣръ изъ жизни животныхъ.

— Вѣдь ты видѣлъ, что и кошка, если только поѣстъ что нибудь или выпачкаетъ лапку, тотчасъ умывается и вытирается.

— Да, точно такъ, однако же кошкѣ это ничего не стоитъ: ей не надо расходовать воды и покупать мыло и полотенце.

Я не нашелся что отвѣчать своему собесѣднику противъ такой находчивости еврейскаго ума, обладающаго способностію прилагать вездѣ свою собственную ариѳметику, однако мнѣ все таки не хотѣлось оставить разговора.

— Такъ неужели по твоему жить и ходить въ грязи?

— А развѣ она мѣшаетъ!

— Да вѣдь пріятнѣе же войти въ чистую хату, надѣть чистое бѣлье, платье....

— Гдѣ намъ! Въ хатѣ лишь бы тепло было, а чистое платье мы держимъ про шабашъ.

— А зачѣмъ у такое васъ грязное бѣлье?

— Помилуйте, кто же будетъ его часто мыть! да если и мыть, то оно испортится.

— Ты же видѣлъ какъ нѣмцы живутъ чисто.

— Нѣмцы другое дѣло.

— Отчего же другое дѣло?

— Тамъ такъ заведено.

— Отчего же вамъ не завести?

— Намъ некогда.

— Ну ужъ, любезный, это сущій вздоръ! Нѣмцы гораздо больше васъ заняты, а ты лучше скажи, что лѣнь заняться чистотою. Я не знаю какъ вы живете: вѣдь войти въ избу нельзя— запахъ такой, что съ ногъ сшибаетъ.

— Отчего?

— Оттого, что свѣжему человѣку дышать нельзя.

— А намъ ничего.

— Привыкли, должно быть.

— Свое никогда не пахнетъ дурно, проговорилъ еврей воображая, что удивительно състроилъ.

Дальнѣйшее продолженіе разговора не повело бы ни къ чему, но я говорилъ послѣ объ этомъ предметѣ со зрителемъ. Менистъ приходилъ въ отчаяніе отъ образцоваго неряшества своихъ подчиненныхъ и пришелъ къ тому заключенію, что завести у евреевъ чистоту и опрятность нельзя ни угрозами, ни штрафами, а развѣ положить денежную награду хозяйкѣ, которая содержала бы опрятно свое жилище. Эта мѣра показала мнѣ оригинальною и весьма дѣйствительною, потому что еврей за деньги готовъ даже отказаться отъ грязи и неряшества,—жалъ только, что это неудобноисполнимо.

Нравственность колонистовъ весьма шаткаго свойства, и близость города Берислава причиною, что противъ разныхъ шалостей нельзя принять никакой мѣры. Ночныя походы евреевъ совершаются въ тайнѣ, а результаты этихъ походовъ, попавши въ Бериславъ, совершенно исчезаютъ, благодаря дѣятельности промышленниковъ подобнаго рода.

Можно утвердительно сказать, что изъ евреевъ трудно ожидать порядочныхъ земледѣльцевъ, и какихъ правительство ни употребляло бы мѣръ, еврейскія колонія не скоро придутъ въ цвѣтущее положеніе. Промышленность и ремесла—вотъ двѣ отрасли, свойственныя израильскому племени, которое на этомъ поприщѣ умѣетъ сдѣлать изъ одной копейки двѣ, и оживляетъ страну, въ которой находится. Земледѣліе, какъ сказано выше,

не процвѣтѣли. Не слѣ и ш. Причиной жонни, которая значитель дленно пр когда цѣ трѣть на шко выѣ Мошки. Т ескихъ ко рошимъ с шите как суждаютъ нувъ коло губерніямъ нибудь ре разъ одно — Скаж хлѣбопаше — А кт — Всѣ — Оно нять много 5 четвертей вить на по бованцевъ кая работа! Дайте же м въ Херсонѣ ботаю 150 процентомъ. — Да как — Какъ з куплю каког куплю и сно — Да вѣд

не процвѣтаетъ между народамъ, словно созданнымъ для другой цѣли. Несмотря на это, есть нѣсколько евреевъ, въ томъ числѣ и шульць, у которыхъ хлѣбopашество довольно порядочно. Причиной послѣдняго обстоятельства, какъ говорятъ, были деньги, привезенныя при переселеніи, и первоначальная удача, которая поощрила неофитовъ, получившихъ въ первый же годъ значительные барыши. Такъ или иначе, только земледѣліе медленно прививается въ этой колоніи и не знаю достигнется ли когда цѣль колонизаціи израильскаго племени. Любилъ я смотрѣть на полевныя работы евреевъ. Положимъ какойнибудь Гершко выѣхалъ пахать въ сопровожденіи Лейбы и побольшаго Мошки. Тоція клячи едва влекутъ плугъ, который въ менонистскихъ колоніяхъ идетъ чуть не рысью. Если вы обладаете хорошимъ слухомъ и понимаете ломанный нѣмецкій языкъ, вы услышите какъ Гершко и Лейба, постегивая машинально клячь, разсуждаютъ о счастливой долѣ своихъ собратьевъ, которые, покинувъ колоніи, ходятъ съ мелочными товарами по окрестнымъ губерніямъ, или о тѣхъ молодцахъ, которые занимаютъ какиминибудь ремеслами въ городахъ и мѣстечкахъ. Я спрашивалъ разъ одного:

— Скажи пожалуйста, отчего вы такъ неохотно занимаетесь хлѣбopашествомъ, когда оно всегда выгодно?

— А кто вамъ сказалъ, что оно выгодно?

— Все говорятъ.

— Оно выгодно намъ, выгодно богачамъ, кто можетъ нанять много рабочихъ,—а мнѣ какая выгода! Положимъ, я посею 5 четвертей, а получу 20—это уже хорошо; 5 долженъ оставить на посѣвъ, могу только продать 15. Пусть будетъ 7 карбованцевъ четверть—значить, я заработаю 105 кербелей. И какая работа! Весна, лѣто и осень пропадутъ за 105 рублей! Дайте же мнѣ 50 кербелей и пустите меня съ лошадьми хоть въ Херсонъ: я буду *ничего не дѣлать*, а черезъ полгода заработаю 150 карбованцевъ и возвращу вамъ деньги съ большимъ процентомъ.

— Да какъ же ты зарабатываешь?

— Какъ заработаю? очень просто: лошадей найму, а самъ куплю какогонибудь товара, потомъ продамъ, потомъ опять куплю и снова продамъ.

— Да вѣдь и это же трудъ, только не совсѣмъ вѣрный.

— А неурожай, засуха, саранча! развѣ и тутъ есть что нибудь вѣрное? Нѣтъ, видно Богъ попуталъ отца моего за грѣхи, и онъ поѣхалъ въ колонию.

Занимательны также еврейки на полевыхъ работахъ. Извѣстно, что женщины этого племени не оставляютъ вязать чулокъ ни минуту, даже исполняютъ эту работу, ходя по городу. Точно также дѣлаютъ онѣ и въ колоніи. Идетъ еврейка въ поле, положимъ, обкапывать картофель. Какой нибудь маленькій Берко или Волько несетъ заступъ, а она идетъ тихимъ шагомъ и, спустивъ по обыкновенію съ одного плеча верхнюю одежду, съ ожесточеніемъ работаетъ вязальными спицами. Идетъ она такъ медленно, словно желаетъ отерочить самую непріятную обязанность, къ исполненію которой приступаетъ весьма неохотно. Обкопавъ нѣсколько кустиковъ, она садится на землю и снова принимается за чулокъ, какъ бы послѣднюю работу исполняетъ для себя, а картофель обкапываетъ за барщину.

О нравахъ и обычаяхъ колонистовъ распространяться не буду, потому что помѣщу объ этомъ предметѣ свои наблюденія при описаніи какого нибудь торговаго города.

БЕРИСЛАВЪ.
ЦАРОВЩИКИ.

Бериславъ въ концѣ ставлялъ крѣпость. Много гор пограничн упоминаетъ подробност чествомъ. (т. I. стр валась М Бѣлою Вей шими ее. въ 70 или сей нынѣ п каменной кр города, и Сь какой дорогъ изъ еще вы зам какъ то сгр вечности. Но Крымской до ладони, спл домики, изб